

ДАРЬЯ
ЭПШТЕЙН

ЗАГАДОЧНОЕ
происшествие в
МИДЛШИРЕ

Страшно уютные истории

Дарья Эпштейн

**Загадочное происшествие
в Мидлшире**

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Эпштейн Д.

Загадочное происшествие в Мидлшире / Д. Эпштейн — «Эксмо»,
2026 — (Страшно уютные истории)

ISBN 978-5-04-246800-1

Призраки, тайны, чаепития — в английской деревушке новое расследование! В Мидлшире наступает весна. Жизнь идет своим чередом: замок лорда Диглби нашел наследников, в конюшне прижился верблюд Пушистик, а к Виктору приехала в гости его тетя Белла. Но мрачные, хоть и величественные покои замка больше подходят не для жизни, а... в качестве декораций к фильму! В Мидлшир приезжают снимать кино. Режиссер Стивен Си вежлив, обходителен — но в Мидлшире не привыкли доверять чужакам, а у Стивена явно есть своя тайна. Кроме того, в первый же день съемок недалеко от замка находят скелет.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246800-1

© Эпштейн Д., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дарья Эпштейн
Загадочное происшествие в Мидлшире

© Эпштейн Д. Ю., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Молодая женщина наклонилась над спящим младенцем: в руке у нее тонкая свеча, единственный источник света в помещении. Его едва хватает, чтобы осветить лицо мальчика и то, на чем он лежит. Это старинная церковная скамья, только намного меньше тех, что стоят в больших церквях. На полированном дереве переливаются блики, и кажется, что это не от свечи, а от лица младенца. У него нет ни одеяла, ни подушки, он укрыт цветастой шалью. Такие же цветы вышиты на платье его матери, той его части, что можно разглядеть при свете. Женщина вздыхает. Она отворачивается от ребенка и поднимает свечу выше. Делает несколько шагов – хрупкий светлячок в царстве тьмы – и оказывается перед дверью. Некоторое время она просто стоит, прислушиваясь, но вокруг настолько тихо, что кажется, что звуки просто никогда не существовали.

Женщина снова вздыхает и возвращается к скамье. Ложится рядом, обхватывает ребенка руками и закрывает глаза.

Женщина уверена, что скоро все это закончится. И закончится хорошо. Разве может быть по-другому?

* * *

Два звука раздались одновременно, оглушающе громкие в темном пустом лесу. Первый был человеческим криком, второй – визгом тормозов, таким отчаянным, будто машина тоже кричала от ужаса. Потом, почти сразу, был удар. Что-то большое перелетело через автомобиль и упало на дорогу.

Хлопнула дверь, и кто-то прошептал:

– Боже мой. Что же теперь делать?..

Глава 1

Весна. Когда люди произносят это слово, они имеют в виду нежные первоцветы, ласковое солнце и молодую зеленую траву, мягкую, как ковер в детской. Они слышат пение вернувшихся птиц и чувствуют запахи только распустившейся листвы.

Конечно, если эти люди не живут в Мидлшире. Здесь, говоря о весне, имеют в виду зонтики, высокие сапоги и средства от насморка. Зимние шубы и пуховики исчезают с витрин магазинов и сменяются рыбацкими ветровками, которые носят даже те, кто ненавидит рыбалку. Но сырость и влажность проникают сквозь любые барьеры, оставляя ощущение мороси на костях. Мидлширские старики, говоря об артрите, различают две его разновидности: осеннюю и весеннюю, и ни один медицинский трактат не убедит их в том, что таких не существует.

Если коротко, то мидлширская весна – это не что иное, как вывернутая наизнанку осень. Цветы, трава, птички? Ну, разумеется, только сперва наденьте свитер.

А еще будьте осторожны на дорогах. Особенно на лесных. Особенно после заката. Потому что мидлширский дождь и мидлширская слякоть превращают вождение в тонкое искусство, и если вы им не владеете, лучше оставайтесь дома. Иначе...

* * *

Деревушка просыпалась. Утро медленно растекалось по домам, сопровождаемое звоном будильников, запахом кофе и тем особым теплом, которое ощущаешь в постели прямо перед тем, как нужно откинуть одеяло. Огастес Бушби, потомственный садовник, шел по сонному весеннему саду, зорко оглядывая свои владения. Над садом высилась черная громада старинного замка, которая, строго говоря, теперь тоже принадлежала ему. Но старика это мало интересовало. Он прожил жизнь в своем маленьком домике и не собирался менять его на что-либо еще. Потому замок удостоился лишь самого поверхностного его взгляда. Однако этого взгляда хватило, чтобы заметить в одном из окон свет. Значит, дворецкий уже отвез дочь Бушби на работу, а внука – в школу, и к нему можно было заглянуть, чтобы поболтать о предстоящем визите странных для Мидлшира гостей.

В другом конце деревни миссис Андерсон неторопливо открывала глаза. Рядом с ней ворочался ее муж, пытаясь сохранить в глазах привидевшийся ночью сон, в котором он снова был юным и с густой копной волос. Миссис Андерсон улыбнулась. А потом вспомнила, отчего это утро было таким особенным. Вчера вечером она заметила у отеля необычную машину, а миссис Колми из городского архива видела в бухте чужую лодку. Все это было не просто так. Миссис Андерсон отбросила одеяло и поднялась, полная сил и решимости все выяснить еще до полудня. На губах ее играла азартная улыбка.

В пышной спальне с тяжелыми шторами просыпался маленький часовщик Родерик Уизерман. Он никогда не ставил будильник. Его пожилая мать каждое утро готовила для него завтрак, и Родерика будил запах свежего кофе и выпечки или питательной и очень вкусной каши. Он с удовольствием потянулся и нащупал под подушкой томик Оскара Уайлда. Ему как раз хватит времени, чтобы дочитать главу, а потом мать позовет его к столу.

Мисс Анна-Лиза, лучший и самый молодой ремонтник Мидлшира, и Ричард, талантливый потомственный фотограф, просыпались вместе. Уже некоторое время у них был общий будильник, общая ванная и традиционный утренний спор о том, кто займет ее первым. Даже кошка Анны-Лизы внезапно осознала себя еще и кошкой Ричарда, что ее несколько озадачи-

вало, но приносило бонусы в виде дополнительной порции еды, потому что эти двое постоянно путались, чья очередь ее кормить.

В то время как остальная деревня только готовилась встретить новый день, в редакции «Мидлшир таймс» жизнь уже кипела вовсю. Журналисты проверяли почту, сверяли планы на день и, конечно, готовили кофе. Воздух наполнялся щелканьем клавиатур и приглушенными восклицаниями. И вдруг...

Бабах!

Грохот заставил журналистов вскочить на ноги.

– Ого! – сказал верстальщик Маддс.

– Все нормально? – уточнила секретарь Сьюзан Бушби.

– Что это вообще было? – спросил редактор Гораций Дропс.

– Эхм... – печально сказал Сонни Кинг, журналист.

Он печально вздохнул и посмотрел себе под ноги. Под ногами была кофейная лужа. В ней лежала кофемашина, вернее, то, что от нее осталось после падения со стола. Вокруг белели осколки его любимой чашки. А поверх этого натюрморта...

– О! – воскликнул Дропс. – Она все-таки упала. Через двести лет!

Он проворно нагнулся и вытянул из обломков картину. Плохонький морской пейзаж, который никогда не висел ровно и был причиной нескольких нервных срывов, выглядел весьма удручающе. Тяжелая рама треснула, нижняя часть почти отвалилась, и подрамник раскололся поперек на две равные половинки. Когда Дропс наклонил картину, одна из них упала обратно в лужу. Но вместе со стуком раздался другой звук. Гораздо звонче.

– Это что, монета? – Мадс шагнул было к луже, но Сонни оказался быстрее.

Он выудил из кофе что-то маленькое и блестящее.

– Не монета. Ключ.

– И довольно старый, – добавила Сьюзан. – Это из-за него картина всегда висела криво.

Сонни сжал находку двумя пальцами и поднял к свету. Ключ был небольшой, чуть меньше женской ладони. Он переливался медью с прозеленью, в верхней его части тонко выкованные лепестки складывались в геральдическую лилию, обрамленную полукругом. По полукругу шла надпись «Clavis Paradisi». Бородка ключа контрастировала с наверху своей массивностью. В ней было столько ступенек, что они походили на микроскопическую лестницу в подвал.

– Интересно, от чего он? – пробормотал Сонни.

– И почему оказался в картине? – сказала Сьюзан.

Дропс кашлянул. Его рот медленно растягивался в акульей улыбке. Он поставил картину к стене и потерял ладони.

– Мне нравится, что вы задаете вопросы, и, Сьюзан, мне нравится ваш вопрос.

Сьюзан, которая потянулась было к ключу, резко отдернула руку.

– О нет-нет-нет! Даже не думайте об этом. – Она демонстративно попятилась. – Я по-прежнему просто секретарь. Я ничего не пишу. Смотрите, я возвращаюсь к телефону...

Дропс покачал лохматой головой:

– Вы невероятно упрямы.

– Именно так!

– И напрасно! Но раз уж вы там, закажите нам, пожалуйста, новую кофемашину. А потом нужно что-то сделать с этой лужей.

Взгляд редактора еще раз прошелся по последствиям крушения, скользнул по луже, по картине...

– О!

Дропс коршуном нырнул к холсту. Раздался звук рвущейся бумаги. Он быстро спрятал что-то под пиджак и выпрямился.

Головы Сонни и Сьюзан повернулись к нему, как два флюгера.

– Что там? – спросили два голоса.

Дропс ухмыльнулся и бросил им лукавый взгляд:

– Ну, Сьюзан, вам ведь не интересно. Сонни, жду вас у себя.

И он, насвистывая, скрылся в кабинете.

Оставшиеся переглянулись. Сонни улыбался, почти совсем не ехидно. Сьюзан шумно выдохнула.

– Терпеть не могу, когда он так делает, – проворчала она и метнулась вслед за редактором.

Сонни пошел за ней. Он старался не рассмеяться.

Сонни и Сьюзан дружили с детства и были настолько близки, что он звал ее сестрой, а она его – братом. Но было время, когда они едва не потеряли эту дружбу. Их развела взрослая жизнь, а потом и взрослые разногласия. Все вернулось на свои места перед Рождеством. Тогда в фамильном медальоне мидлширского аристократа, лорда Диглби, вдруг обнаружили портрет юной незнакомки, и лорд попросил Сьюзан выяснить, кто она такая. Для Сьюзан это было первым журналистским расследованием, и в какой-то момент она обратилась за помощью к Сонни. В итоге он уволился из довольно сомнительной «Мидлшир Инфо» и теперь работал вместе с сестрой в «Таймс». Правда, после того расследования Сьюзан напрочь отказалась писать тексты и ограничивалась ролью секретаря. Это весьма разочаровывало их главного редактора Горация Дропса. Когда-то он вел в их школе кружок журналистики и был уверен, что Сьюзан тратит талант на ерунду. Он не оставлял попыток оторвать ее от телефона и посадить за клавиатуру. Сонни был почти уверен, что на этот раз у Дропса это получится.

В другой части Мидлшира молодой человек ждал поезда. Он переминался с ноги на ногу, отчасти потому, что ему было скучно, отчасти потому, что его новые ботинки совершенно не подходили для мидлширской весны. Как, впрочем, и пальто, которое придавало образу некоторую загадочность, но было бессильно против пронизывающего ветра. Молодой человек чихнул и потянулся за платком.

Раздался долгожданный гудок. Там, где рельсы уходили в дымку и наверняка пересекались со вчерашним днем, появилась черная точка. Несколько секунд спустя точка увеличилась, а еще через секунду стала огромной и громкой. Черно-красный блестящий паровоз подъехал к перрону, несколько раз вздрогнул, будто устраиваясь поудобнее, и замер.

Молодой человек медленно пошел вдоль поезда. Проводники открывали двери вагонов и помогали галдящим пассажирам вынести чемоданы. Что-то неизбежно падало, лаяли мелкие собачонки, капризничали дети, жены распекали мужей, и мужья ворчали на жен, и во всем этом гвалте он, продрогший до самой души, искал маленькую вздорную старушку.

– Виктор!

Она стояла в дверях, в длинном вишневом пуховике, шляпке со страусовыми перьями и желтых ботинках с высокой шнуровкой. Ее морщинистое личико почти полностью состояло из сияющих глаз и огромной улыбки. Так могла бы выглядеть постаревшая Пеппи Длинныйчулок.

– Тетя Белла!

Виктор подхватил ее на руки и аккуратно поставил на перрон. Старушка едва успела ойкнуть. Позади нее оказались два чемодана, каждый размером со свою хозяйку. Виктор покопился на тетушку.

– Ну, я ведь приехала надолго, – сказала она.

– Надеюсь, они влезут в «Ягуар», – вздохнул он.

– А ты все еще водишь «Ягуар»? Я-то думала, ты давно его продал и купил что-то более подходящее для Мидлшира.

Виктор Эркин ухватился за тетушкины чемоданы и покатил их по перрону.

– Мне он нравится.

Тетушка ухмыльнулась:

– Сколько раз за зиму ты застревал в снегу?

– Я не считал.

– Пятнадцать? Двадцать семь?

Виктор вздохнул:

– Одиннадцать.

– Неплохо. Я двадцать четыре. Правда, за три года.

– И ты тоже его не продала.

– Я отдала его тебе, это почти то же самое.

– Совсем нет.

– Совсем да. Ох, ну ладно! Но я старая женщина, мне положено быть сентиментальной.

– Я заподозрил это, когда ты вышла из ретропоезда.

Они переглянулись и захихикали, как два расшалившихся ребенка. За их спинами засвистел паровоз и выплюнул в небо столб пара.

«Ягуар» ждал их на парковке, и его огненно-красные бока сверкали от мороси. Тетя Белла похлопала по капоту:

– Привет, приятель!

– Хочешь за руль? – спросил Виктор.

– Ну что ты! Я уже не в том возрасте. Да и очки у меня не для вождения... Если только совсем чуть-чуть.

Виктор Эрскин скрыл улыбку, уткнувшись в воротник. Тетушка забралась на водительское сиденье и пристегнулась.

– Напомни мне, сколько отсюда до дома?

– Где-то полчаса, а что?

– Долго, – ответила тетушка и выжала газ.

Красный «Ягуар» помчался от вокзала к Мидлширу.

Старый замок чернел на тонкой кромке земли под самым небом – светлым, почти белым, как будто кто-то взял летнюю синеву и щедро размыл ее дождем. Кудрявые облака паслись в нем, опускаясь к самому морю. Некоторые из них были темнее и тяжелее соседних, и можно было попробовать угадать, что они несут в своих животах, снег или все-таки дождь.

Огастес Бушби стоял у окна и смотрел на море. Окно было в нежилом крыле, том самом, где протекала крыша и на стенах прорастал зеленый пушистый мох. Здесь было холодно, темно даже днем, и сильно пахло сыростью. Но кое-кто находил во всем этом особую эстетику.

– Потрясающе! – произнес мужчина за спиной садовника.

Его голос взлетел к потолку, но, вместо того чтобы вернуться гулким эхом, впитался в стены и исчез. Мужчина медленно повернулся на каблуках. На вид ему можно было дать чуть за сорок, и темная грива его волос была щедро подморожена сединой, как и аккуратная короткая бородка. На нем были квадратные очки и длинное черное пальто, теплое настолько, что мужчина расстегнул верхние пуговицы, явив миру бордовую рубашку и жилет. Его высокие сапоги выглядели настолько надежными, что в душе Бушби шевельнулось одобрение. Они бы идеально подошли даже садовнику. Хотя всего остального гостя Бушби открыто не одобрял.

– Это даже лучше, чем я думал, – сказал мужчина. – Мне нравится, какой здесь свет, и вот эти камни... Вы ведь не будете здесь прибираться, правда?

– Ни за что на свете, – честно ответил старик.

– Тогда все просто великолепно!

Мужчина еще немного покрутил головой. Бушби переступил с ноги на ногу. Промозглый холод этого крыла начал проникать под его тулуп, и он с тоской вспомнил горячий медный кофейник, оставшийся дома на столе. Садовник покосился на гостя. Тот, кажется, полностью

ушел в свой мир. Гость поднял руку и, как будто споря сам с собой, тыкал в разные участки потолка и пола, что-то тихонько мурлыча под нос. Бушби шумно прокашлялся.

Мужчина отвлекся, и на его лице появилась извиняющаяся улыбка, от чего он сразу стал на порядок проще и симпатичнее.

– Простите, я вас задерживаю. Просто так редко попадается столь идеальная натура. Даже в павильоне такого не построишь.

Бушби решил, что сейчас настало то самое время, когда стоило кое-что прояснить.

– Послушайте, мистер Си, – сказал он, стараясь звучать максимально дружелюбно, что ему почти удалось. – Мы здесь не очень любим суету, понимаете? Я не про себя и Сьюзан, а про деревню. Мы живем тихо. Уважаем природу и все, что в ней. Держимся заведенного порядка. Понимаете, о чем я?

– А киношников традиционно считают шумными и разнузданными, – кивнул мистер Си. – Если верить слухам, мы только и делаем, что устраиваем шумные вечеринки с алкоголем и кто знает чем еще. Но я вам обещаю, мистер Бушби, вы нас даже не заметите. На самом деле мы тоже не очень любим шум. По крайней мере, когда работаем. Да, здесь будет кое-что происходить, и это может создать некоторые неудобства, но вы не увидите ни мусора, ни неподобающего поведения. Я лично за этим прослежу.

Старый садовник с достоинством кивнул. В комнате немного потеплело, и Бушби решился.

– Хотите чаю? – спросил он.

– Если вас это не затруднит, – ответил режиссер. – Да, и, если вы не против моего вопроса, могу ли я рассчитывать на знакомство с владельцем замка? Мои юристы будут на этом настаивать.

Бушби пожал плечами.

– Да пожалуйста, – сказал старик. – Он скоро придет из школы.

Новый владелец замка, потомственный лорд Диглби, а для друзей просто Джо, самозабвенно прыгал по лужам. У него были яркие желтые сапожки и не менее яркий красный дождевик, и все вместе это требовало немедленных приключений. Его лучший друг ждал у школы с толстой веткой в руках, а это значило, что он придумал что-то интересное.

– Эймос! Привет!

Джо разбежался и прыгнул в лужу точно возле второго мальчишки. Их обоих окатило грязноватой водой, но на дождевике Джо остались капли, а одежда Эймоса будто впитала воду в себя и мгновенно высохла. Эймос ухмыльнулся зубастым ртом и ответил:

– Привет! Есть подарок, – добавил он и гордо показал на ветку.

– Ух ты, – чуть неуверенно ответил Джо. – Нам сейчас надо в лес, да?

Но Эймос помотал головой:

– Надо туда, где земля.

– Ну, тогда это к нам в сад. Погнали!

– Погнали, – радостно подтвердил Эймос.

И они побежали к парковке, где их уже ждал престарелый синий автомобиль, возле которого стоял и читал книгу высокий мужчина в кожаной куртке.

– Привет, Джон!

Мальчишки подбежали к нему с двух сторон. Их ладони одновременно коснулись автомобильного бока, от чего машина качнулась, и Джон вместе с ней. Он чуть не уронил книгу и засмеялся:

– Ураган Джо и цунами Эймос! Запрыгивайте. Что интересного сегодня узнали?

Технически Джон Стеттон был дворецким. Он работал еще у старого лорда Диглби и, когда лорд умер, а замок перешел к Джо и его семье, остался все на той же должности. На

практике же нынешние «дворецкие» обязанности Джона сводились к тому, что он отвозил Джо в школу и забирал из школы. Мальчик, Сьюзан и старый Бушби хоть и владели замком, предпочитали жить в домике садовника.

– Ты знал, что курицы умеют считать до пяти? – осведомился Джо, пристегиваясь.

– Понятия не имел, – ответил дворецкий. – Это правда?

Мальчик пожал плечами:

– Учительница сказала. Но вообще я не понимаю, как им это пригодится в жизни?..

Джон постарался не рассмеяться. Он придал лицу невозмутимое выражение английского дворецкого, ответил:

– Может быть, они считают цыплят?

Мальчик сокрушенно покачал головой:

– Джон, но их же больше пяти!

– Тогда я сдаюсь.

Автомобиль медленно отъехал от школы и влился в поток. Внезапно тучи разошлись, и солнце ударило в лобовое стекло со всей молодой весенней силой. От неожиданности Джон оглушительно чихнул. Мальчишки на заднем сиденье дружно крикнули ему «Будь здоров!». Он поблагодарил и опустил солнечный козырек. Ему пришло в голову, что Эймос за последние несколько месяцев стал куда лучше разбираться в человеческих обычаях и человеческом языке. Если раньше он просто повторял все за Джо, то теперь действовал вполне самостоятельно. Совсем скоро он сможет бегать по деревне и общаться с жителями как самый обычный мальчишка, и никто даже не догадается, что имеет дело с древним лесным духом.

– А что нового у тебя, Эймос? – спросил Джон.

Лесовик на секунду задумался. Его черные глаза осветились зеленью, будто из глубокой воды поднялся и спрятался обратно лист кувшинки.

– Джи-си-би, – сказал Эймос.

– «Джи-си-би»? – переспросил Джон. – Что это такое?

Эймос выбросил вперед длинную руку и согнул ладонь под углом. Из его горла вырвался звук, напоминающий то ли шум леса, то ли работающий мотор. Джон озадаченно заморгал.

– Я видел, – сказал Эймос.

– Ладно, – протянул дворецкий и подмигнул Джо. – Загадка похлеще, чем про куриц, а?

– Я разгадаю! – сказал Джо и повернулся к другу: – Эймос, это большое?

Джон усмехнулся. Впереди показался замок, и дорога пошла вверх. Ехать приходилось медленно и осторожно. Асфальт здесь заканчивался, и весь путь представлял собой замысловатую комбинацию грязи, луж и выбоин. Говорили, что когда-то эта дорога была вымощена камнем, но никто из ныне живущих уже не видел ее такой. Джон вцепился в руль и понадеялся, что киношники заплатят за аренду достаточно, чтобы можно было наконец-то все починить.

У замка стоял автомобиль. Низкий, обтекаемый и по самую крышу покрытый грязью. Ага, значит, мистер Си еще здесь. Подтверждая его мысли, из замка в сопровождении садовника появился высокий мужчина в длинном теплом пальто. Он с интересом разглядывал приближающийся к нему автомобиль с Джоном и мальчиками. Когда они остановились и Джо выскочил из машины с воплем: «Джон, я догадался! Экскаватор!», мистер Си шагнул к нему с улыбкой и протянутой рукой:

– Добрый вечер. Меня зовут Стивен Си. Имею ли я честь говорить с лордом Диглби?

Мальчик на секунду застыл с приоткрытым ртом. Джон нахмурился. Что задумал этот киношник? Но Джо уже овладел собой. С королевским достоинством он пожал протянутую руку.

– Именно так, мистер Си, но все здесь зовут меня Джо. Я прошу меня извинить, но у меня сейчас очень важное дело. Вы не могли бы подождать в, э-э-э, в кабинете? Я скоро освобожусь.

И мальчик обернулся к лесовику:

– Эймос, бежим!

Мистер Си проводил детей взглядом. На его лице застыло то особое выражение, которое бывает у взрослых, когда дети переворачивают их шутку против них же самих.

– Невероятный молодой человек, – произнес он.

– Вы даже не представляете, насколько вы правы, – ухмыльнулся садовник. – Джон, сделаешь нам чайку в библиотеке?

– Да, сэр, – чопорно ответил Джон Стеттон и удостоился фирменного фырканья Гаса Бушби.

Они вернулись в замок, на этот раз в жилое крыло.

Мальчики побежали в сад. Эймос придирчиво оглядел сырую вязкую землю, из которой дикобразными иглами торчали стволы дремлющих растений. Он провел ладонью над пустой клумбой, где прятались нарциссы, и тихонько сказал:

– Пора.

Сначала ничего не происходило. Потом из земли показались светло-зеленые макушки будущих цветов. Джо восхищенно заплодировал:

– Круто!

Эймос кивнул. Он прошел чуть дальше, выбрал пустое место и уселся прямо на землю, просто согнув ноги. Палка в его руках чуть завибрировала. Он поставил ее одним концом в грунт и позвал Джо:

– Сейчас ты.

– Я? А как?

Эймос положил руку друга на гладкий ствол. Он был холодным и мокрым, как и все вокруг.

– Думай. И зови. Зови проснуться.

Джо попытался. Изо всех сил. Но ничего не происходило. Тогда Эймос пощекотал палку ногтем и велел Джо повторить. Джо зажмурился. Он вспомнил, как зимой учился слушать деревья, и попытался сейчас услышать что-то в этой толстой палке. На мгновение ему показалось, что палка отозвалась. Тогда мальчик собрал все свои силы и мысленно запел ту песенку, которую пела ему Сюзан, когда будила по утрам в садик.

Что-то сдвинулось. Джо открыл глаза. Палка вросла в землю, а из неровностей ствола выглянули зеленые почки.

– Обалденно, – прошептал Джо.

– Обалденно, – подтвердил Эймос и улыбнулся своей зубастой улыбкой.

«Предатель! Для тебя нет и не было ничего святого и не... непро...» – Сюзан запнулась.

Почерк сам по себе был трудночитаемым, слова прыгали по листу, как будто автор писал их на палубе корабля, да еще и в шторм. Время и пролитый кофе довершали дело. Разобрать что-либо становилось практически невозможно.

– Я думаю, это «неприкосновенного», – сказал Сонни, заглядывая ей через плечо. – Но не уверен. Что там дальше? «Ты забрал... но мне... Бесстыжую?» Черт, это звучит по-настоящему классно. Гораций, у нас в руках бомба.

Дропс кивнул. Его глаза сверкали, а лицо превратилось в одну огромную улыбку. Он вытащил из ящика стола лупу и склонился над подмоченным письмом. Сюзан и Сонни почти-тительно молчали, пока редактор вглядывался в буквы и что-то бормотал себе под нос. Наконец, он поднял голову и воззрился на подчиненных.

– Ничего не понятно, – заявил он с совершенно счастливым видом. – Надо высушить. Сюзан, принесите-ка мне парочку кофейных фильтров. И остатки картины, раз уж вы все равно идете в ту сторону. Сонни, а вы дайте-ка сюда ключ...

Дропс направил лупу на геральдическую лилию и прищурился. Потом промурлыкал несколько нот и переписал надпись с ключа себе в ежедневник. Сюзан вернулась, неся в руках фильтры и обломки. С них уже не капало, но кофе успел впитаться в дерево и теперь наполнил кабинет резким и не очень приятным запахом. Дропс аккуратно расправил страницу и зажал ее между фильтрами, придавив старинным пресс-папье.

– Это должно помочь, – сказал он. – Дадим ему денек полежать. А вы пока займитесь ключом.

– Я думаю, стоит заняться еще и картиной, – сказала Сюзан. – Ключ был внутри, вряд ли его мог положить туда кто-то, кроме художника.

Она не успела договорить, как поняла, что попала в ловушку. Дропс уселся за стол и принялся разбирать бумаги.

– Сделайте это, Сюзан, – бросил он, не поднимая головы.

Сонни засмеялся.

– Простите, я, возможно, не должен задавать этот вопрос, но он, признаться, не дает мне покоя. – Стивен Си откинулся в кресле, аккуратно удерживая в ладони хрупкую фарфоровую чашку и блюдце.

– Почему лорд Диглби оставил замок и титул моему внуку, а не мне, хотя я по идее первый наследник? – Гас Бушби хмыкнул.

Он сидел напротив режиссера. Его чашка стояла на столе, и он к ней даже не притронулся. Возможно, потому, что ее тонкие стенки казались слишком нежными для грубых натруженных рук старика.

– Все просто, – сказал садовник. – Он слишком хорошо меня знал. Мы, знаете, росли и выросли вместе, а потом вместе старели. Ничто не сближает людей так, как общее детство и общая старость. В промежутке люди обычно расходятся, но это и не важно, потому что самое настоящее время жизни – это начало и конец. В начале на тебя еще ничего не налипло, а потом – уже отвалилось, если вы понимаете, о чем я.

– Думаю, что да, – протянул режиссер. – Вы о том, что называют социальными нормами и ожиданиями.

– Наверно, – сказал Бушби, который в жизни бы так не выразился. – Что я хочу сказать? Мы с Джеймсом были друзьями. И он знал, кто я такой. Гас Бушби, садовник с головы до пят. Никакой не лорд. А вот Джо – Джо подходит. Не думаю, что он когда-либо захочет стать садовником. Не то это дело для современного мальчишки. Пусть будет лордом. Почему бы и нет?

– Деда!

Джо влетел в библиотеку с горящими глазами. Его колени, руки и даже нос были измазаны в земле.

– Деда, у меня такое получилось! Эймос... – Тут его взгляд уткнулся в мистера Си. – Ой. Простите. Я, кажется, про вас забыл.

Режиссер посмотрел на него поверх чашки и ответил совершенно серьезно:

– Не беспокойтесь. Я знаю, как это бывает, когда слишком много дел. Сам забываю о встречах и, если бы не моя помощница, пропустил бы все до единой.

– Ага. – Джо кивнул. – Сейчас приду.

Он ненадолго исчез и вернулся уже чисто умытым. На штанах остались мокрые попытки отчистить грязь. Джо плюхнулся на кушетку, и Стеттон поставил перед ним большую чашку с какао.

– Спасибо, Джон! – сказал мальчик и повернулся к режиссеру: – Так чем я могу быть вам полезен?

Гас Бушби отвернулся, чтобы спрятать улыбку. Как только Джо узнал, что получил титул и замок, он отправился в библиотеку и потребовал все, что у них было о лордах и о том, как ими быть. Мудрая миссис Найджел прежде всего вручила ребенку книгу по этикету. В следующие несколько дней жизнь в маленьком домике садовника стала гораздо сложнее и запутаннее. Оказалось, что Гас и Сьюзан не так сидят, не тем едят и не в том порядке встают из-за стола. Разговаривают за столом они тоже неправильно, как, впрочем, и вне стола. Взрослые сперва подыгрывали и поддерживали интерес ребенка, но вскоре Гас взбунтовался. Было решено, что дома они говорят и едят так, как привыкли и как им удобно, а лордами и леди становятся только с посторонними людьми. Джо вздохнул, но принял новые правила. Через минуту он уже лежал на диване с упаковкой печенья и новой книгой и совсем не благородно причмокивал.

– Ну, ваша мама уже дала свое согласие на использование вашего замка, но я бы хотел получить его еще и непосредственно от вас. Это нужно для моих юристов. – Мистер Си замолчал и вопросительно посмотрел на мальчика.

Тот кивнул:

– Ясно. Вы хотите, чтобы все было по-честному.

– Точно. Для этого мне нужно рассказать, что именно мы собираемся делать.

Лицо Джо засияло, он подался вперед.

– А про что будет фильм?

Стивен Си поставил чашку на стол и махнул рукой.

– Фэнтези. Или, скорее, сказка. Немного про любовь, но больше про призраков, древние проклятья и страшные тайны. – Он тонко улыбнулся. – Про все то, чего не бывает в реальной жизни.

Дед и внук переглянулись.

– Да уж, – тихо отозвался Гас.

В камине уютно потрескивали поленья. Оранжевые язычки пламени танцевали на них свой древний танец, и медленное тепло разливалось по гостиной дома Михлича. За зиму она стала другой. Дело было не в обстановке, вернее, не только в ней: Виктор обнаружил, что лучше всего ему работает на полу перед камином, и вместо одеяла, которое он расстилал там в первые дни после приезда, добавил большой мягкий ковер. Лишние стулья он убрал на чердак. Кроме этого внешне ничего не изменилось, но поменялось само ощущение. Едва войдя сюда, тетушка Белла поняла, что дом, кто бы ни значился официальным владельцем, отныне полностью принадлежит Виктору. Слишком большой и громоздкий для одного жильца, он будто бы уменьшился до размеров тех комнат, где ее племянник проводил больше времени. Стены запомнили его голос, лестница привыкла к его походке, а кухня впитала запахи его попыток приготовить что-то приличное. Дом проснулся после долгой спячки и, похоже, был очень доволен. А еще здесь больше не было привидений. Последний факт тетушку крайне огорчил.

– Нет, я, конечно, очень рада за тех, кто обрел покой, – говорила она, сидя на ковре у камина. – В моем возрасте начинаешь понимать и ценить такие вещи, как безмятежность и уединение. Но после того, как ты мне о них рассказал, я очень надеялась их застать. Мы бы могли поговорить о смерти.

Виктор поставил на ковер поднос с чаем и шарлоткой и сел рядом. Он усмехнулся:

– Вряд ли Михлич стал бы об этом говорить. Его больше интересовала современная литература и индийские сериалы.

– Серьезно? Индийские?

– Ну, каждый имеет право на свои странные удовольствия. А почему ты хотела поговорить с ними о смерти? На тебя это не похоже.

Тетушка задумчиво вытянула к огню ноги в длинных шерстяных носках и пошевелила ступнями. Виктор ждал.

– Я стала чувствовать себя старой. Старой и бесконечно одинокой. Хотелось бы знать, что там дальше.

Виктор воззрился на нее в изумлении. Тетушка Белла всегда была для него воплощением оптимизма и жизнелюбия. Ее искрящийся смех и доброе остроумие были тем самым спасательным кругом, который не давал ему утонуть сперва в подростковой депрессии, а потом и в кризисах среднего возраста. Она всегда была рядом, даже когда оказывалась за тысячи километров, готовая выслушать, поддержать и, если нужно, дать метафорический подзатыльник. То, что она только что произнесла, никак не могло быть сказано в привычном Виктору мире. Тетушка Белла заметила это и улыбнулась:

– Странно слышать такое от меня, да? Я ведь всегда в движении, среди людей, в поисках приключений. Но, знаешь, в свою последнюю поездку я вдруг поняла, что больше этого не хочу. Все эти люди, которые встречаются мне на пути и считают меня очаровательной, они ведь на самом деле совсем меня не знают. А тех, кто действительно знает и понимает хоть что-то про меня настоящую, осталось очень мало. И с ними так редко можно поговорить. Я имею в виду, действительно поговорить, а не просто узнать, как дела и здоровы ли внуки. Боже, я так часто слышу про внуков и ревматизм, что мне кажется, что люди моего возраста просто не говорят ни о чем другом! Иногда мне хочется кричать от этого. Хочется взять их за плечи и трясти, чтобы напомнить, что в мире есть что-то еще, напомнить, как мы обсуждали театр, музыку, говорили смешные глупости, организовывали благотворительные вечера и концерты... А потом я понимаю, что в их мире этого больше нет. Им это больше не интересно. И мне становится ужасно одиноко.

– Может, это от того, что у тебя нет внуков и ревматизма? – Виктор улыбнулся.

– Что из этого ты предлагаешь мне завести?

Он засмеялся. Нет, все-таки его тетушка была в полном порядке. Просто и у нее бывают тяжелые времена и сомнения. Виктор встал и обнял ее за плечи.

– Ты – лучшая тетушка на планете. И у тебя всегда есть я. Я буду говорить с тобой о чем угодно и постараюсь не сесть в лужу, хоть это и будет нелегко.

Старушка хихикнула. Она посмотрела на него через плечо.

– И ты расскажешь мне, кто приготовил для тебя шарлотку?

– Что? А, это Сьюзан. Я сказал ей, что ты приедешь. Она очень хотела с тобой познакомиться. Так что если вдруг решишь, что снова готова видеть новых людей...

Тетушка Белла лихо подтянула носки.

– Пожалуй, я уже готова.

– Ладно, – начал Виктор. – Тогда я...

Его прервал телефонный звонок. Он поморщился – это был старый аппарат с на редкость противным и очень громким звуком. Виктор оставил его, потому что это помогало не пропускать важные звонки в любое время суток. На другом конце провода оказался Дропс.

– Виктор, я знаю, что у вас выходной, но, мне кажется, это будет вам интересно.

– Гораций, я и так работаю двадцать четыре часа, а после интервью с Нейтом мне вообще положен отпуск. Ко мне приехала тетушка...

– Берите ее с собой и поезжайте в лес. Дорога на замок Диглби. Думаю, точное место вы найдете, потому что там будет полиция.

– Погодите. Что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.